

Глеб Иванович Успенский

«Четверть» лошади

Глеб Иванович Успенский

«Четверть» лошади

Серия «Живые цифры», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665815*

Аннотация

«...Картина полного расстройтва крестьянского хозяйства капитализирующей деревни, нарисованная в художественном очерке Успенского, явилась своеобразным ответом на публицистические рассуждения о состоянии деревни народников, также пользовавшихся в своих статьях цифровыми данными статистических трудов. <...> Успенский своим очерком говорит ... о безнадежности сохранения мелких крестьянских хозяйств, несмотря на каторжный труд их владельцев...»

Содержание

1	4
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

«Четверть» лошади

1

...Кажется, во всей «нашей округе» нет среди местной обывательской интеллигенции (даже самого высокого сорта) такого страстного любителя местных статистических «данных», каким совершенно неожиданно оказался я, деревенский обыватель, пишущий эти строки. Огромные кипы и связки изданий статистического комитета, обязательно получаемые деревенской, обывательской интеллигенцией, постоянно и повсюду производили и производят на нее какое-то удручающее впечатление. Получишь, бывало, такую толстую книгу, поддержишь в руке, почему-то непременно вздохнешь и положишь на полку; так эти книги и покоятся недвижимо там, где их положат. А между тем только ведь в этих-то толстых скучных книгах и сказана цифрами та «сущая» правда нашей жизни, о которой мы совершенно отвыкли говорить человеческим языком, и нужно только раз получить интерес к этим дробям, нулям, нуликам, к этой вообще цифровой крупе, которую усеяны статистические книги и таблицы, как все они, вся эта крупа цифр начнет принимать человеческие образы и облекаться в картины ежеднев-

ной жизни, то есть начнет получать значение не мертвых и скучных знаков, а, напротив, значение самого разностороннейшего изображения жизни.

И все-таки, не случись со мной одного самого (как увидит читатель ниже) ничтожного обстоятельства, я бы никогда не вошел во вкус этих, покрытых какою-то черною мушкаррой, страниц и никогда бы не понял многозначительности выводов из этой цифровой мушкары, всегда казавшихся мне, как коренному «обывателю», совершенно нестоящим делом и пустопорожним словоизвержением. Никогда не думая серьезно вникать в это дело, мы, однакож, не прочь иной раз вложить в цифры и собственный свой смысл, сделать собственные свои выводы, и всякий раз делаем это, конечно, только «для смеху». Бывают в нашей пустопорожней обывательской жизни такие минуты, когда мы умеем облаять все в настоящем порядке вещей. Вот только в такие-то минуты универсального облаивания текущей действительности, в числе прочих, подлежащих облаянию сюжетов, не минует нашего издевательства и статистика, не минует только потому, что настроение минуты требует всестороннейшего облаивания жизни.

– В деревне Присухине, – издевается в такие минуты какой-нибудь обыватель, – школа имеет тридцать учеников, в деревне Засухине двадцать, а в деревне Оплеухине всего два ученика... Из этого, извольте видеть, следует такой средний вывод, что средним числом на школу – по семнадцати чело-

век и еще какой-то нуль, да еще и около нуля какая-то козявка... Это все равно, ежели бы я взял миллионщика Колотушкина, у которого в кармане миллион, присоединил к нему просвирню Кукушкину, у которой грош, – так тогда в среднем выводе на каждого и вышло бы по полумиллиону. Просто нужно за что-нибудь деньги брать! Очень просто!

– Да! из-за чего это Болванкин на собрании с своим кирпичом совался? – спрашивает кто-нибудь во время этого обличительного монолога. «Кто-нибудь» спрашивает просто зря, от нечего делать. Но так как «облаивание» коснулось статистики, то немудрено услышать и ответ на этот случайный вопрос, подходящий к подлежащей облаиванию теме.

– А как же! – отвечает другой из занимающихся облаиванием собеседников. – По статистическим данным, на каждую печную трубу приходится шесть рождаемостей, а на каждую курную избу две рождаемости и четыре смертности. Следовательно, ежели земство купит по дешевой цене кирпич у Болванкина и станет раздавать его бабам для устройства печей-голландок в курных избах, то сейчас же бабы будут производить шесть процентов рождаемости – и, следовательно, купец Болванкин отличнейшим образом продаст свой кирпич, который у него уж и так развалился и который со всем, с заводом и с Болванкиным, стоит грош. Как же ты этого не понимаешь? Нет, брат!.. Тут в среднем выводе можно запустить лапу очень хорошо!..

Известный обывателю склад и строй окружающей его

жизни, в котором слово «хапнуть» играет не последнюю роль, невольно заставляет его прилагать этот господствующий принцип и к такого рода явлениям жизни, которых он даже и не понимает совершенно, в которых ровно ничего не смыслит. Неудивительно, что в те редкие минуты праздного лаянья на всех и вся, когда, за истощением облаиваемого материала, на зубок обывателя попадает и такой неприкосновенный материал для разговора, как статистика, основной принцип «хапнуть» не покидает соображений обывателя, и он прикладывает его там, где принцип этот не имеет никакого значения. И, говоря откровенно, я не знаю ни одного статистического «столбца», который не был бы истолкован нашими коренными деревенскими обывателями именно в этом последнем смысле. И я помню положительно только один случай, когда облаиванье, начавшееся «от нечего делать» и добравшееся за истощением материала до статистики, вдруг должно было замолкнуть за полнейшею невозможностью приткнуть к облаиваемой цифре хоть каплю принципиального во всех облаиваниях обвинения, то есть слово «хапнуть», казалось, готовое сорваться с языка, вдруг не сорвалось, и облаиватель только стал в тупик.

– Неведомо чего уж и писать стали! – говорил мне однажды один из таких облаивателей, зайдя попить чайку и от нечего делать перелистывая «обзор» нашего уезда, только что полученный с почты... – Уж даже и неведомо до чего доболтались!

– Что такое?

– Одна, вишь, *четверть* лошади приходится, изволите видеть, на каждую какую-то там квадратную, что ли, душу. Ну что ж это означает, позвольте вас спросить?

– Как квадратную душу? Что вы, Иван Иваныч!

Иван Иваныч посмотрел в книгу и сказал:

– Ну, пес с ней! ну, ревизскую¹, что ли! Но что ж означает *четверть* лошади? Какая такая лошадиная четвертая часть? Которая же первая-то часть у ей? Это даже, прямо сказать, – насмешка одна!

– Ну как же так!

– И очень просто!.. Положительно одно издевательство!.. С кирпича, с беременной бабы, с трубы все можно что-нибудь взять и даже в карман положить... А это уж – чорт знает что! *Четверть* лошади!..

Лично я хотя и мог бы совершенно иначе понимать эти «цифры», подлежащие облаиванию на разные лады, но, говоря по совести, обжившись с деревенскими обывателями, также, подобно им, привык очень мало интересоваться этим множеством крупных и мелких нулей, которые мы только и видим в таблицах многотомных трудов. Быть может, подумавши, я бы и мог что-нибудь возразить Ивану Ивановичу, но простое нежелание думать серьезно и привычка ограничиваться облаиванием не вызвали меня на разговор о непо-

---

¹ *Ревизская душа* – человек, занесенный в список лиц податного состояния, составляемый при переписи, ревизии.

стижимой цифре.

«*Четверть лошади!*» – подумал я и присоединился к издевательству Ивана Ивановича. Толстые томы «трудов» как и прежде, так и после облаивания, сделанного Иваном Ивановичем, продолжали спокойно лежать на тех самых местах, где были положены, и всякий раз возбуждали во мне только глубокий вздох, когда, перечитав все, что можно было перечитать, приходилось с прискорбием увидеть, что кроме «трудов» решительно ничего для чтения нет!

Но вот совершенно неожиданно со мною происходит переворот: я собственными глазами увидел *четверть лошади!* и с тех пор усеянные крупными и мелкими нулями «труды» приняли в моих глазах чрезвычайное значение.

2

Да, я теперь знаю, что такое *четверть* лошади; знаю, что эта четверть – не пустяки, что эта дробь имеет весьма серьезное значение.

Дело было так.

Я только что окончил чтение нового переводного романа, напечатанного в одном из толстых журналов, и находился в весьма тяжелом душевном настроении. Не думайте, что на нервы деревенских обывателей действуют только такие явления жизни, которые таят в себе обычную для нас сущность «хапнуть в карман», и что только такие явления волнуют и тревожат нас. Вовсе нет. Посмотрите-ко, какого переполоха наделал в нашем уездном обществе хотя бы «роман графини Лиды»². Все, что не знало иного исхода и течения жизни, кроме службы, семейной ссоры и буфета в клубе, – все вдруг заохало, застонало, заметалось, закричало и заговорило из всех сил и во весь голос. Как теперь помню, еле живой уездный аптекарь, выходя из клуба во втором часу ночи и будучи уже в таком состоянии, которое заставило его тотчас же обнять фонарный столб, – все-таки нашел в себе силы закричать: «Приас-схо-нна!» И орал то же самое, раскачиваясь на извозчике, на которого усадил *его* городской. Да,

---

² ...«роман графини Лиды». – См. примечание к очерку «Ноль – целых!».

и мы не прочь иногда порадоваться и потосковать хорошо. Так было и со мной в этот раз. Роман был обыкновенный: муж – старик, она (маркиза, само собой) молодая и, само собой, Анатоль – молодой. Обман друг друга с первой страницы до последней. Обман письмами, глазами, рукопожатиями. Словом, какое-то беспрестанное воровство самых элементарных человеческих радостей, воровство, в котором не нуждалась ни во веки веков ни одна горничная, получающая восемь рублей в месяц. А тут маркиза, и не может жить на белом свете иначе, как «украдучи» да «уворуючи»! Впрочем – не в подробностях романа дело, а только в том, что мне было скучно от него и я ушел гулять.

Шел я, скучал, ни о чем не думал и вдруг случайно услышал:

– То-то – кабы лошадь была?

Слова эти жалобно проговорил женский голос, и я, положительно не знаю почему, при слове «лошадь» вспомнил фразу Ивана Ивановича:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.